

Наконец, на настоящем пленуме нашла свое отражение проблема наследства, полученного славянством от античности.

В прениях по докладам выступали акад. В. В. Струве, член-корреспондент АН СССР А. Д. Удальцов, проф. Б. Н. Граков и др.

В ЛОИИМК к пленуму была открыта выставка материалов полевых археологических исследований. На выставке были отражены раскопки последних лет в Тиритане, Мирмекии, Ольвии, Неаполисе и других местах, иллюстрированные чертежами и фото-снимками.

На выставке были представлены также вещи, добытые из раскопок.

С. П. Капошина

Сессия Ученого Совета Института Истории Материальной Культуры имени Н. Я. Марра, посвященная 50-летию юбилею с начала раскопок Ольвии Б. В. Фармаковским

11 и 12 апреля 1946 г. в Москве в Институте истории материальной культуры им. Н. Я. Марра происходила сессия Ученого совета института, посвященная 50-летию юбилею с начала раскопок Ольвии Б. В. Фармаковским.

На сессии присутствовали: представители Ленинградского отделения ИИМК, Института истории и Института истории искусств АН СССР, Московского университета, Академии архитектуры СССР, Государственного исторического музея, Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина и других научных организаций.

Первое заседание было посвящено научной деятельности Б. В. Фармаковского.

Доклад «Б. В. Фармаковский—исследователь античной культуры» сделал профессор, доктор искусствоведческих наук В. Д. Блаватский. Он отметил значение археологических раскопок, проведенных Фармаковским в Ольвии, начиная с 1896 г. В результате этих работ Ольвия оказалась, и до сего времени остается, исследованной лучше, чем какой-либо иной античный город на территории СССР. Раскопки Б. В. Фармаковского раскрыли полную картину истории Ольвии, возникшей еще в VII в. до н. э. и существовавшей до начала средневековья. Были установлены границы древнего города в разные периоды его истории. Раскопки Б. В. Фармаковского вскрыли оборонительные сооружения Ольвии; общественные здания, жилые дома, многочисленные могилы, иной раз представляющие монументальные склепы; разнообразные предметы бытового обихода и памятники искусства дополнили яркую картину жизни древнего города. Успех, выпавший на долю ольвийских раскопок, неразрывно связан с выработанными приемами археологического исследования. В силу этого Ольвия стала школой для наших археологов—специалистов по античному миру.

Не меньшие заслуги Б. В. Фармаковского в области истории античного искусства: интересы его в этой области были очень широки и разнообразны. В своих печатных трудах Б. В. Фармаковский касался архитектуры, скульптуры, живописи, ваз, ювелирных изделий и проч. При этом он всегда изучал различные разделы античного искусства не как изолированные одно от другого явления, а в тесном взаимодействии их между собой и в связи с общим развитием античной культуры. Исключительно велика роль Б. В. Фармаковского в исследовании истории античной культуры Северного Причерноморья.

В докладе «Б. В. Фармаковский как исследователь античного искусства» доктор искусствоведческих наук М. М. Кобылина отмечает, что основным методом исследований Б. В. Фармаковского было изучение искусства в его исторической перспективе, в его взаимодействии со всем комплексом современной ему античной культуры. Этот метод

позволял Б.В.Фармаковскому даже в небольших работах, где он давал атрибуции отдельным памятникам античного искусства, ставить вопрос о культурных влияниях и связях между народами древности.

Доклад «Б.В.Фармаковский и исследование восточного искусства» сделал доктор искусствоведческих наук В. В. Павлов.

В вводной части своего доклада В. В. Павлов отметил, что Б. В. Фармаковский, чуждаясь чисто формального и атрибуционного методов, зарождавшихся в то время, остался навсегда сторонником историко-культурного метода, основанного на широком использовании данных искусства, материальной культуры и языка. Именно подобный метод и позволил Б.В.Фармаковскому притти к тем широким и глубоким выводам, которые сделаны им в его исследовании об «Архаическом периоде на юге России».

Основная часть доклада была посвящена суждениям Б.В.Фармаковского об египетской культуре и искусстве, материалы которого, относящиеся главным образом к архаической эпохе и к периоду позднего Египта, Б.В.Фармаковский часто привлекал в своих работах. Докладчик считает, что в известной мере Б.В. Фармаковский положил начало той линии науки, которая ставила своей целью установление взаимосвязи южнорусских и кавказских древностей с египетской культурой.

На следующем заседании, 12 апреля, были заслушаны доклады, показывающие, как последователи Б. В. Фармаковского уже после его смерти разрабатывают поставленные им проблемы.

Профессор, доктор исторических наук Б. Н. Граков прочел доклад «Об одном из ремесел Скифии — о кузнечном и литейном мастерстве».

Докладчик, пользуясь главным образом материалами археологических раскопок, но привлекая также свидетельства письменных источников, показывает высокий уровень металлургического мастерства у скифов.

Раскопки скифских погребений свидетельствуют о том, что железо появилось еще в раннекиммерийское время, но бронзу оно вытеснило только в чисто скифскую эпоху. Внедрению железных изделий в обиход скифов способствовали переднеазиатские походы VII в. до н. э.

Наличие местной выплавки руды у скифов неоспоримо доказывается раскопками Каменского и Белского городищ, где найдено много металлургического брака и шлака. Каменское городище было поселением металлургов, для которых источником руды был Криворожский бассейн. Раскопанные жилища металлургов, очень большие по своим размерам (до 160 м²), позволяют предположить, что многочисленная семья, обитавшая в таком доме, сосредоточила в своих руках все процессы труда: плавку, литье и ковку. В этих жилищах найдены горны и ямы с древесным углем. Вероятно, горнорабочие были одновременно и плавильщиками и гончарами.

Раскопки дают возможность проследить скифскую технику плавки и литья. Изделия скифов-металлургов служили товаром для обмена и шли главным образом в степь. Греки же северных городов Причерноморья, хотя и торговали с жителями Каменского городища, о чем свидетельствуют многочисленные находки греческой керамики, особенно фрагментов амфор, ковали металл сами.

Доклад А. Н. Карасева «Оборонительные сооружения Ольвии» подводит итоги многолетним археологическим исследованиям городских стен и рвов Ольвии. Докладчик дает новый материал по древней топографии Ольвии. Он опровергает существовавшее до сих пор мнение о наличии рва, окружавшего городище. Время основания Ольвии А. Н. Карасев, вслед за Б. В. Фармаковским, относит к середине VII в. до н. э. Он считает, что древнейший архаический город VI в. до н. э. оборонительных стен не имел. Но не исключена возможность, что архаический город был все же огражден от окружающего пространства невысокой оградой, тянувшейся между стенами домов, стоявших на окраине. Следы оборонительных стен и башен V в. до н. э., о которых рассказывает Геродот (IV, 78—79), до сих пор не найдены. Остатки стен, окружавших в IV в. до н. э. город, обнаружены раскопками в северной части верхнего плато. Рельеф местности позволяет проследить направление этих стен. Линия городских стен эллинистической Ольвии может быть хорошо прослежена, и протяженность ее, вероятно, достигает 2850 м. Вспомогательными видами оборонительных заграждений служили глу-

бокие балки, в некоторых случаях специально углубленные, и рвы. Западные стены города на протяжении 550 м были защищены Заячьей балкой, искусственно углубленной, так же как и балка, защищавшая северные стены. В районе северо-западного угла городских стен была сооружена искусственная водная преграда, длиной около 600 м и шириной 100 м. После готского нашествия Ольвия была окружена новой линией городских стен, протяженностью до 1600 м. Во II в. н. э. римляне соорудили новые мощные стены цитадели, направление которых полностью зависело от рельефа местности.

Последний доклад П. Н. Шульца «О киммерийских каменных изваяниях» выделяет ряд известных ранее по различным раскопкам каменных памятников в группу киммерийской скульптуры. Сюда он относит мужское и женское изваяния середины V века до н. э., найденные в Тиритаке, где они были использованы как строительные материалы¹. По времени этим изваяниям, повидимому, предшествуют антропоморфные стелы из Белогрудовки², открытые в 1915 и 1922 гг. Они датируются 1-й четвертью I тысячелетия до н. э. Детали изваяния даны не только плоским рельефом, но и гравировкой. Еще более ранними, протокиммерийскими, являются изваяния из Белозерских курганов (раскоп Скадовского)³. Они датируются второй половиной II тысячелетия до н. э.

В 1926 г. в Ханангии⁴ (Румыния) найдено известняковое изваяние, относящееся к последней четверти II тысячелетия до н. э. Графические изображения, высеченные на спине этого изваяния, заставляют отнести его к тому же типу, что и симферопольскую плиту⁵, а также предшествующую ей усатовскую плиту, относящуюся к третьей четверти II тысячелетия до н. э.

К группе белозерских изваяний примыкает и, вероятно, предшествует им изваяние из Черли (Румыния)⁶. Чрезвычайно интересным фактом является сходство этих изваяний с двумя стелами, найденными в склепе Дендры (Аргосская долина). Можно предположить, что в XIV—XIII вв. до н. э. эти памятники или им подобные были занесены с севера из области киммерийцев на Балканский полуостров. Косвенные данные в пользу такой возможности дают имеющиеся у греков сказания, дошедшие до нас через Еврипида и Лукиана, об Оресте и Пилладе, похитивших ксоан из Тавриды. Об изваянии таврической девы свидетельствует и Павсаний, упоминающий о ксоане, похищенном Орестом и Ифигенией.

В конце доклада П. Н. Шульц подчеркивает близость киммерийских изваяний с каменными стелами древнейших славян (изваяние из Бытогоща).

Выступавшие в прениях отметили высокий уровень прочитанных на сессии докладов. Выступивший по докладу Б. Н. Гракова С. В. Киселев выдвинул предположение о наличии связей синопско-трапезундского района с металлургией юга СССР.

Вызвал возражения тезис П. Н. Шульца о киммерийском происхождении изваяний, найденных в склепе Дендры. Было высказано предположение, что примитивизм этих изваяний надо связать с традициями статичной культовой скульптуры. Миф о похищении ксоана Артемиды Таврической сложился в более позднюю эпоху. Во всяком случае сходные элементы изваяний юга СССР и юга Балканского полуострова надо искать в каких-то органических связях, существовавших в древнейшие времена между этими областями, а не объяснять их только экспортом.

В заключительном слове С. В. Киселев, отметив большое значение работ Б. В. Фармаковского для развития русской археологии, подчеркнул, что советские археологи успешно разрабатывают и развивают поставленные им проблемы.

И. Т. Кругликова

¹ «Материалы и исследования по археологии СССР», № 4, стр. 39.

² «Записки Всеукраинского археологического комитета», вып. Укр. АН СССР, 1931, Киев.

³ Труды VIII археологического съезда в Москве, т. III.

⁴ «Дасия», 1926, Bucaresti, т. II.

⁵ Е. С. А., т. II.

⁶ «Дасия» т. II.